

Лянь Уцзю проснулся на рассвете следующего дня. Ему потребовалось немало времени, чтобы сообразить, где он находится.

Знакомая ветхая лачуга, знакомый, едва уловимый запах сырой земли и сухой травы.

«Как я здесь оказался?..»

Прежде чем мысли успели оформиться во что-то связное, в хлипкую дверь настойчиво и громко забарабанили. Застывший в оцепенении юноша вздрогнул от неожиданности и поспешно соскочил с постели.

Он откинул одеяло и опешил: в постели обнаружился ещё один человек.

— Брат Су? А ты как здесь очутился?

Су Линцзюнь, сморщившись, потёр лоб и прохрипел, не открывая глаз:

— Да открой ты уже эту чертову дверь... Шумят, как на базаре...

Даже не успев накинуть халат, Лянь Уцзю бросился к порогу. Отодвинув засов, он увидел перед собой сияющего Золотого Отрока.

— Братец Уцзю! Доброе утро!

— Доброе, — тепло улыбнулся Лянь Уцзю.

— Я к папочке! А ещё дядя А-Дан велел передать вам кучу вкусностей... Правда, по дороге я стащил один рисовый пирог, — заговорщически прошептал малыш, протягивая тяжёлую корзинку.

Приняв ношу, Лянь Уцзю ласково взъерошил ему волосы.

— Ничего страшного. Заходи. Отец наверняка обрадуется тебе.

Мальчик с весёлым писком протиснулся в комнату, взлетел на кровать и рыбкой нырнул под одеяло. Отыскав лохматую макушку Су Линцзюня, он с размаху чмокнул его в щеку.

— Папочка! Я пришёл! И принёс тебе завтрак! Вставай скорее! — верещал ребёнок, изо всех сил зарываясь в одеяло.

Су Линцзюнь с мрачным, как грозовая туча, лицом отшвырнул одеяло и сердито прикрикнул:

— Прекрати шуметь! Кто тебе вообще сказал, что мы здесь? «Принёс завтрак»? Опять хвастаешься, мелкий? Твоё враньё растёт не по дням, а по часам!

Золотой Отрок лишь задорно показал кончик языка. Ни капли не испугавшись отцовского гнева, он свернулся калачиком прямо у его бока, подпёр ладошкой щёку и принялся с любопытством разглядывать недовольную физиономию Су Линцзюня.

— Папа, ну ты вчера и наклюкался! Разит от тебя за версту! И от братца Уцзю тоже. А ещё ты буянил! Отказался ночевать на постоялом дворе, ухватил братца Уцзю в охапку и дал стрекача. Мы за вами полночи бежали, еле нашли эту хибару!

— Да ну? — с сомнением буркнул Су Линцзюнь.

Он украдкой скользнул взглядом по Лянь Уцзю, который как раз собирал волосы в узел. Юноша поднял глаза и посмотрел на него. На мгновение воцарилось молчание, после чего Лянь Уцзю хмуро отвернулся.

— Конечно, правда! — закивал Золотой Отрок. — Ты мчался так, что пятки сверкали. Дядя Красавец даже обозвал тебя извращенцем и кричал, что ты похищаешь людей! А ещё ты заперся изнутри и никого не впускал! Даже меня... Папа, ты вредина! — Мальчик обиженно надул губы и уставился на отца.

У Су Линцзюня от этих откровений разболелась голова.

— Цыц, мелюзга, не мели чепухи! И вообще, ты почему в обуви на постель залез? А ну брысь отсюда, дай мне встать.

Малыш соскочил на земляной пол и тут же пристроился рядом с Лянь Уцзю, ластясь к нему, как щенок:

— Братец Уцзю, мы уже будем кушать? Я тоже проголодался!

— Конечно, давай вместе, — улыбнулся Лянь Уцзю.

— Вот и ладно! Не будем ждать этого соню! — Малыш с весёлым смехом взобрался к Лянь Уцзю на колени. Тот бережно приобнял его одной рукой, а другой подхватил палочки, подцепил сочную стручковую фасоль из корзинки и отправил мальчику прямо в рот.

Малыш с удовольствием захрустел угощением и потянулся поцеловать Лянь Уцзю в щёку, но не дотянулся и звонко чмокнул его в шею, оставив жирный след от масла. Внезапно он ещё

сильнее удивился.

— Ой, братец Уцзю! Смотри, твоя шея вся красная! Прямо как будто покусал кто-то... Странно, я ведь только один раз чмокнул, откуда тут столько пятнышек? В соломенных домах всегда так много мошкары?

Лянь Уцзю в замешательстве провёл пальцами по шее, но нащупал лишь оставленный ребёнком жирный след.

— Наверное, это от вина, — пробормотал он, чувствуя лёгкое смущение. — Зима на носу, откуда взяться комарам?

Неугомонный отрок не унимался. Развернувшись, он уставился на отца, лицо которого внезапно приобрело весьма странное выражение, и восторженно завопил:

— Папа! Да у тебя на шее точно такие же! И ты ещё говоришь, что комаров нет!

Су Линцзюнь сердито посмотрел на них. Сев за стол напротив них, он бесцеремонно запихал в рот целый пирожок-баоцзы и проворчал сквозь зубы:

— Мал ещё взрослым допросы устраивать. Ешь давай. Не хочешь — брысь обратно к дяде А-Дану, нечего за мной целыми днями хвостом ходить.

— Ну и не буду за тобой ходить! Подумаешь! — обиделся Золотой Отрок. — Я лучше с братцем Уцзю останусь. Он ведь не прогонит меня, правда?

Лянь Уцзю мягко кивнул и поднёс к его губам ложку с тёплой кашей:

— Конечно. Только ты ещё маленький, так что не убегай далеко и слушайся старших.

— Я и так послушный, это папа меня постоянно прогоняет... Братец Уцзю, ты самый лучший! — Растроганный малыш снова потянулся к шее юноши и звонко поцеловал прямо в скопление багровых отметин, после чего принялся с самым серьёзным видом их разглядывать, словно пытался разгадать великую тайну.

— Тебе сколько лет, а? Ведёшь себя как младенец, ложку до рта донести не можешь! — не выдержал Су Линцзюнь, багровея. — А ну слезай с него! Уцзю из-за тебя даже поесть нормально не может. И я же просил тебя: не распускай зубы!

— Да не кусался я! — надулся Золотой Отрок. — Я просто чмокнул и лизнул, ему совсем не больно! Вечно ты ворчишь!

В сердцах мальчик швырнул ложку на стол. Круглая деревяшка, отскочив от столешницы, со свистом взлетела вверх и со звонким стуком угодила Лянь Уцзю прямо в лоб. На бледной коже мгновенно проступила алая струйка крови.

— Ой! Кровь! — испуганно пискнул ребёнок и задёргался, едва не скатившись с колен юноши.

Лянь Уцзю прижал его к себе, не давая упасть, и ласково успокоил:

— Всё хорошо, не бойся. Сейчас помажем целебной мазью, и всё пройдет.

Су Линцзюнь в один миг пересадил провинившегося отрока на лавку, а сам подался вперёд. Осторожно придерживая Лянь Уцзю за подбородок, он принялся аккуратно стирать кровь чистым платком.

— Где мазь? Живее!

Юноша неторопливо достал из поясного мешочка маленькую фарфоровую баночку. Су Линцзюнь перехватил её, бережно нанёс мазь на ранку и ловко наложил повязку.

— Говорил же я вам: не балуйте этого негодника! — ворчал он, затягивая узел на бинте. — На шею сядет и ножки свесит. Совсем сладу с ним нет, одни капризы на уме!

Золотой Отрок, шмыгая носом и жалобно глядя покрасневшими глазами, забился в угол лавки.

— Прости меня, братец Уцзю... — прошептал он едва слышно.

Лянь Уцзю ласково притянул его обратно к себе.

— Ну-ну, не плачь. Дети и созданы для того, чтобы их баловали. Если есть кому любить тебя, почему бы иногда и не покапризничать? В этом и прелесть детства. А вот если любить некому — это действительно страшно.

— Тоже мне, великий воспитатель, — хмыкнул Су Линцзюнь, но посмотрел с теплотой. — Ладно, я сыт. Вы в город собираетесь? Пойдём вместе?

Лянь Уцзю покачал головой:

— Нет, сегодня в город не хочется. Чуть позже схожу на склоны за лечебными травами.

— Вот как... Что ж, ладно. Золотой Отрок, останешься с ним, а я наведаюсь к А-Дану. Вечером принесу вам чего-нибудь вкусного на ужин.

— Угу, пока, папочка... — притихший малыш помахал ему ручкой.

Как только шаги Су Линцзюня затихли за порогом, Лянь Уцзю перестал улыбаться. Он замер в глубокой задумчивости, безучастно обнимая притихшего ребёнка, и просидел так добрых четверть часа, не шевелясь.

Малыш не выдержал долгого безмолвия и, испуганно заёрзав на его коленях, осторожно потянул юношу за рукав. Лянь Уцзю словно очнулся ото сна.

— Братец Уцзю... Что с тобой?

— Всё в порядке, — поспешно выдавил улыбку юноша. — Хочешь прогуляться в горы за травами? Пойдём со мной.

— Да, хочу! Братец Уцзю, научи меня врачеванию!

— Договорились.

Башня Чжунхуа

— Ха-ха-ха! Ну ты вчера и выдал представление! — покатывался со смеху Красавец, едва Су Линцзюнь переступил порог. — Братец, тебе пора на марафон записываться! Или сразу в сумасшедший дом, там таких талантов как раз не хватает.

— А мне вот Уцзю искренне жаль... Ни с того ни с сего, по чистой наивности, парень стал самой знаменитой «невестой» в городе, — со вздохом покачал головой Монах.

Су Линцзюнь сердито фыркнул:

— Да пошли вы! Подумаешь, пробежался немного с человеком на руках. Нашли над чем зубоскалить! Кстати, где А-Дан? Он говорил, что у него ко мне какое-то дело было.

— Дело? — прищурился Красавец. — С чего вдруг такая таинственность?

— Позовём его — и узнаем, — отрезал Су Линцзюнь.

Вскоре из кухни показался Да Данцзя с подносом, ломящимся от свежих фруктов. Выглядел он на редкость довольным — Башня Чжунхуа открылась лишь вчера, но благодаря щедрой рекламе в первый же день заведение забили под завязку. Прибыль обещала быть колоссальной.

— На самом деле, разговор есть у меня ко всем вам, — серьёзно произнёс хозяин таверны, ставя поднос на стол.

— Ну выкладывай, чего стряслось? — Красавец взял с тарелки сочную дольку яблока.

Да Данцзя замялся, подбирая слова:

— Ребята... вы ведь знаете, что здешнее золото можно выводить в реальные деньги. Многие так зарабатывают. И я... я хочу признаться. Моя главная цель в «Мире Хаоса» — это заработок. Я открыл это место ради прибыли. Для меня это не просто развлечение на досуге, это... моя работа, и я отношусь к ней со всей серьёзностью. Вы мне колоссально помогли, без вашей поддержки я бы ни за что не управился так быстро. Но мне не даёт покоя то, что я до сих пор скрывал это от вас... Получается, я просто использовал вас в своих корыстных целях...

Красавец недоумённо вскинул бровь:

— И к чему эта исповедь? Ты сейчас благодарить нас собрался или прощения просить? Я-то думал, стряслось чего! Ну ты и простак, А-Дан. Слишком правильный. Неудивительно, что жена от тебя ушла — чересчур порядочные мужики долго не держатся.

Да Данцзя лишь виновато промолчал.

— Слышь, попридержи язык, ядовитый ты наш! — пихнул его локтем Монах. — Раз А-Дан решил открыться перед нами, значит, совесть у человека есть. Это элементарное уважение. Да и вообще... дружище, таверну построил ты, вложил свои силы, так что и прибыль твоя по праву. Моё дело маленькое — приходить сюда вкусно лопать и пить на халяву! — Монах довольно вытер губы рукавом и весело прищурился: — Хотя, если честно, я вообще не помню, чтобы хоть чем-то тебе помог... Кажется, от меня тут пользы было как от козла молока.

— Вот именно! Ты только и делал, что брюхо набивал! — фыркнул Красавец.

Молчавший до этого Су Линцзюнь подал голос:

— Обычно в играх зарабатывают либо пронырливые торгаши, либо скучающая молодёжь, ну и те, кому срочно нужны карманные деньги. Но чтобы делать из этого полноценную карьеру... А-Дан, судя по твоему настрою, ты планируешь содержать на эти деньги семью? Всё зашло настолько далеко?

Хозяин таверны невесело усмехнулся:

— Возможно, среди ваших знакомых это редкость. Но на самом деле таких, как я, сейчас пруд пруди. В реальном мире выжить становится всё труднее.

— Да брось, — удивился Красавец. — Ты же первоклассный повар! Люди твоей профессии всегда на вес золота.

— Раньше так и было, — тихо произнёс Да Данцзя. Он медленно поднял правую руку и с грустной улыбкой разжал пальцы. — Но после несчастного случая рука меня больше не слушается. А повар без рук — это уже не повар.

Наступило неловкое молчание.

— И... как давно это случилось? — мягко спросил Монах.

— Уже несколько лет. Мне предлагали поставить кибернетический протез, но я до ужаса не хотел пичкать себя железом. А потом я случайно узнал о людях, которые зарабатывают в виртуальном пространстве, и решил попробовать. Выход «Мира Хаоса» стал для меня последней каплей. Я понял: если этот проект будет жить, я смогу обеспечивать себя сам, занимаясь любимым делом.

— Ты ведь говорил об этом ещё при первой нашей встрече, — спокойно улыбнулся Су Линцзюнь. — Так что отставь эти глупые угрызения совести. У каждого своя дорога в этой жизни. К тому же это мы у тебя в долгу: благодаря твоему таланту мы каждый день объедаемся деликатесами. А насчёт игры не переживай — разработчики костями лягут, но не дадут проекту загнуться. Иначе их совет директоров просто пойдёт по миру.

Тяжёлый груз, годами давивший на сердце Да Данцзя, наконец-то растаял. Он облегчённо вздохнул. Долгие годы он в одиночку блуждал по различным игровым мирам, чувствуя себя чужаком, затерянным в чужой стихии. Ему было чертовски трудно пробиваться самому. Но теперь у него наконец-то появилась твёрдая почва под ногами.

«Говорят, умные люди умеют извлекать выгоду из дружбы».

«Но если ты пользуешься чужим доверием, умей и отдавать что-то взамен, а не просто выбрасывать людей за ненадобностью».

— Так, с этого дня — никакой халявы! Если поймаю кого-то за бесплатным обжираловством, лично лицо начищу! — Красавец демонстративно погрозил Монаху кулаком.

— Эй! А если я буду приносить редкие ингредиенты на обмен, это считается? — взмолился тот, испуганно втянув голову в плечи.

Запредельные кручи Затерянного леса

Тем временем на тихих лесных склонах Лянь Уцзю и Золотой Отрок неторопливо собирали травы.

Лянь Уцзю долго и пристально наблюдал за увлечённо копающимся в земле малым, пока наконец не решился спросить:

— Отрок, ответь мне честно на один вопрос.

Малыш тут же встрепенулся, с любопытством глядя на него:

— Какой вопрос? Это тайна? Наш секрет?

— Да, это наш секрет. Обещай, что никому о нём не расскажешь. Даже своему отцу.

— Ура! Давай поклянёмся на мизинчиках!

— Хорошо... Скажи, у тебя... есть матушка?

— Матушка? Это которая «мама»?

— Да, именно.

Мальчик беспечно мотнул головой:

— Не-а, мамы у меня нет. Только бабушка и папа. Ещё папа говорил, что где-то есть дедушка и всякие дяди, но я их ни разу в жизни не видел.

Лянь Уцзю растерялся:

— Но... как же ты тогда появился на свет? Кто тебя родил?

— Как кто? Папочка! Он родил меня в больнице!

Наступило долгое, оглушительное молчание. Лянь Уцзю во все глаза смотрел на ребёнка, силясь переварить услышанное.

— С... с кем родил?.. — выдавил он наконец.

— Ну с доктором же! С кем же ещё? — удивлённо захлопал ресницами малыш. — Все ведь

ходят к доктору, когда хотят завести ребёнка!

— А... этот доктор... она была женщиной?

— Да какая разница? В больнице всякие бывают — и тётеньки, и дяденьки. Вот ты, братец Уцзю, тоже ведь доктор-мужчина, верно?

— Значит... ты никогда не видел свою матушку?

— Говорю же, нет у меня мамы! Папа сказал, что меня достали из специальной большой колбы, так что мамы у меня никогда и не было.

— Из... колбы?

— Ага! Из такой большущей стеклянной бутылки! Там внутри спит много-много младенцев, а потом приходят папы и мамы и забирают их к себе домой.

— То есть... тебя просто усыновили? Нашли? — Лянь Уцзю наконец пришёл к единственному логичному, как ему казалось, выводу. Теперь всё встало на свои места: мальчик ведь и правда ни капли не походил на Су Линцзюня!

— Вот ещё! Ничего подобного! — не на шутку обиделся Золотой Отрок. — Я родной папин сын! И бабушкин внук!

— Ну... конечно, конечно, — поспешил успокоить его юноша.

Оставшуюся часть прогулки Лянь Уцзю провёл как в тумане. Разум его окончательно зашёл в тупик от этих диковинных рассказов о детях из бутылок и мужчинах, рожаящих в больницах. Он так хотел разузнать хоть что-то о законной супруге брата Су, но в итоге запутался ещё сильнее.

Одно оставалось несомненным: у Золотого Отрока не было матери, а у брата Су — законной жены.

И всё же в глубине души юноши тлел один безответный, мучительный вопрос: кто-то ведь должен был подарить жизнь этому ребёнку?